

счетов из офшоров. После этого несколько десятков стран стали принимать меры, а списки вызвали активное обсуждение проблемы в обществе. Так что если все-таки нравственные принципы в российской политике усилятся, это будет хорошо и для деофшоризации.

К.М. Никитин,

МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

ДОБАВИТЬ «ПРЯНИКОВ» В МЕНЮ ИЗ «КНУТОВ»

К.М. Nikitin,

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

ADD SOME CARROTS TO THE STICKS

В вопросе о том, что нужно делать с деофшоризацией и чего на данный момент нет в комплексе мер, которые реализуются, следует прежде всего ориентироваться на президентское послание. По мнению автора статьи, основная наша цель — добиться уплаты налогов в Российской Федерации. Это можно сделать несколькими альтернативными или дополняющими друг друга способами: во-первых, нужно, чтобы зарубежные компании регистрировали в Российской Федерации постоянные представительства (налоговый термин); во-вторых, нужно, чтобы они признавались налоговыми резидентами Российской Федерации, приобретали такой статус; в-третьих, нужно, чтобы они в принципе закрывали свои зарубежные компании и переводили бизнес или центры прибыли в Российскую Федерацию. В принципе, основываясь на этих соображениях, и разворачивается комплекс мер, которые сейчас пытаются реализовать в процессе подготовки законодательства.

Для того, чтобы активизировать это ожидаемое поведение, могут быть применены стимулы налоговой политики или налогового администрирования, а также неналоговые стимулы. В президентском послании был обозначен следующий перечень стимулов: создать законодательство о контролируемых иностранных корпорациях, одновременно с этим компаниям из офшорных юрисдикций запретить доступ к государственным и муниципальным контрактам, запретить им доступ к контрактам госкорпораций, мерам государственной поддержки. Указанный перечень мер затем был трансформирован в перечень поручений по реализации президентского послания и ретранслирован правительству.

Правительство отреагировало, опубликовав в марте 2014 г. законопроект о контролируемых иностранных компаниях, в который включило также понятие налогового резидентства. Очевидно, что данный законопроект требует доработки. Многие пока воспринимают его как некую начальную позицию для переговоров. Ко всем зарубежным компаниям, которые так или иначе контролируются российскими

юридическими или физическими лицами и российскими налоговыми резидентами, будут применяться правила о контролируемых иностранных корпорациях. То есть, если компания не подняла прибыль оттуда на уровень Российской Федерации, то эту прибыль считают по правилам российского налогового учета, присоединяют к ее собственной российской прибыли и платят с нее налог на прибыль в Российской Федерации. Если же подняла, то компания будет платить по пониженной ставке в 9%.

Важно, что пока весь перечень дополнительных налоговых мер, которые обсуждаются экспертами и имеют шансы быть реализованными, сводится исключительно к «кнутам». Рассматривается введение налога на выплаты за рубеж, ограничение налогового вычета различных расходов, пересмотр соглашений с пересмотром нулевых ставок при удержании налога при выплате за рубеж, определение бенефициарного собственника, чтобы лишить компании возможности использовать договоры об устранении двойного налогообложения, и т.д. Единственное, что не обсуждается в ходе общественной и профессиональной дискуссии в России, — это позитивные стимулы, которые могут заставить компании меньше пользоваться низконалоговыми юрисдикциями, офшорами.

Поэтому следует поговорить о позитивных стимулах. По мнению многих специалистов, которые занимаются налоговым и иным законодательством, использование зарубежных юрисдикций преследует несколько целей:

— во-первых, налоговая оптимизация;

— во-вторых, защита прав собственности, которая связана с применением английского права, лондонского или стокгольмского арбитражей, английских и в меньшей степени американских государственных судов. Некоторые инструменты либо англосаксонской системы (трасты, фонды), либо континентального права (штифунги) используются для того, чтобы обойти строгие императивные нормы российского семейного законодательства и наследственного права.

Возвращаясь к вопросу о позитивных стимулах, нужно подчеркнуть, что никто не оспаривает важность деофшоризации. Хотя нет уверенности в том, что Российская Федерация должна облагать все доходы российских резидентов и все доходы российских компаний, полученные за рубежом и не распределенные в Российскую Федерацию. От этого прежде всего могут пострадать госкомпании и условно «национальные» компании, которые зарегистрированы в России, но имеют огромные холдинги в Австрии, Голландии, и т.д.

Для деофшоризуемых компаний (если такие найдутся) нужно создать некую «мягкую зону приземления», которая позволит им перейти с одного уровня комфорта ведения бизнеса на другой, в том числе с точки зрения увеличения налоговой нагрузки и многих других вещей.

Могут быть использованы описанные ниже стимулы.

В налоговой политике — введение некоего варианта participation exemption (льготы в связи с участием). Это именно то, чем славится

Голландия, много зарабатывающая с помощью нормального налогового режима, который привлекает другие страны. Иначе она не получила бы такие доходы. Правда, если подобную идею представить в Минфин РФ, то ответ, скорее всего, будет «нам не нужны выпадающие доходы бюджета, которые составят столько-то». Тот факт, что в противном случае этих доходов нет и не будет вообще, никого не убеждает.

С точки зрения налогового администрирования целесообразно было бы поступить следующим образом. Во-первых, не стоит настаивать на перерегистрации в Российской Федерации или переносе центров прибыли. Скорее, надо предложить компаниям стать налоговыми резидентами Российской Федерации и платить налоги на прибыль в Российской Федерации, но при этом иметь возможность использовать английское право, английский арбитраж и т.д. Когда же в России объединятся Высший арбитражный и Верховный суды и продемонстрируют существенный прогресс в улучшении правосудия, тогда компании будут пользоваться российскими судами и российским исполнением решений судов.

Можно также распространить на эти компании режим горизонтального мониторинга и расширенного обмена информацией, который дает большую степень уверенности в отношении налоговых органов. Можно на несколько лет ввести мораторий на налоговые проверки и создать на самом деле специализированную налоговую инспекцию либо межрегиональную, либо в городе Москве. Это необходимо, чтобы для таких компаний условия стали мягче, чем сейчас в Российской Федерации, но жестче, чем в тех юрисдикциях, откуда они придут.

Наконец, в области неналоговой политики нужно либо корректировать закон о международном коммерческом арбитраже, либо создавать отдельный, со специальным режимом, третейский суд, в который, скорее всего, придется привлечь нескольких английских судей в отставку. Тогда для узкого круга деофшоризованных компаний, которых можно было бы маркировать как например, резидентов Международного финансового центра (МФЦ), в подобном переходе будет смысл.

Вывод из всего сказанного выше следующий: для таких компаний необходим некий специальный режим, возможность существовать в чуть более комфортных условиях. Помимо статуса резидента МФЦ есть и другие варианты. Можно, например, по аналогии с европейским сообществом, предусмотреть некий режим не национальных, а «европейских компаний», которые создаются в любой стране, но подлежат регулированию на надстрановом уровне. Если у нас появятся подобные компании, это позволит привлечь в Российскую Федерацию новые зарубежные организации. Надо добавлять набор «пряников» к набору «кнутов». Частично этот набор был описан выше. Тогда можно попытаться реализовать задачу по деофшоризации.